

ИМПОРТ ИНСТРУМЕНТОВ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МАРГАРИТА ВЛАДИМИРОВНА КУРБАТОВА,

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия,
e-mail: kurbatova-07@mail.ru*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕВИН,

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com;*

КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ САБЛИН,

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия,
e-mail: sablin_ks@mail.ru*

Цитирование: Курбатова, М.В., Левин, С.Н., Саблин, К.С. (2021). Импорт инструментов научной политики в современной России // *Journal of Institutional Studies* 13(3): 37–52. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.037-052

В статье дается характеристика современной научной политики России с позиции импорта ее инструментов. Инструменты рассматриваются как институты в нортонской трактовке. Выявлено, что импортируются, прежде всего, инструменты, обеспечивающие подотчетность академического сообщества. Среди них выделяются грантовское финансирование науки, наукометрия и программы академического превосходства. Подотчетность ученых и исследователей обществу в условиях современной России превращается в подотчетность вертикали власти. Мотивация ее представителей при выборе целей и инструментов научной политики включает как представления об общественной выгоде, так и задачи максимизации частной эффективности. Показано, что процесс выбора включает три основных уровня: политический, правительственный и ведомственный. На всех этих уровнях импортируемые инструменты постепенно трансформируются в соответствии с интересами субъектов, участвующих в вертикальных административных торгах. Установленные на политическом уровне цели укрепления экономических и политических позиций страны в мире постепенно замещаются задачами максимизации частной эффективности высокоранговых участников данных торгов. В результате происходит качественная модификация сферы науки. В современной России речь идет не просто об ограничении автономии академического сообщества, а о его встраивании в вертикаль власти. Это ведет к изменению мотивации и структуры данного сообщества. Классические ученые-исследователи постепенно замещаются политизированными администраторами академического типа и специфическими академическими предпринимателями. Их отличие от зарубежных академических предпринимателей заключается в ориентации не на конкурентные экономические рынки, а на перераспределение ресурсов в рамках вертикальных административных торгов.

Ключевые слова: научная политика; импорт институтов; подотчетность; наукометрия; грантовое финансирование; проекты академического превосходства

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации № ВТК-ГЗ-ФИ-15-19.

IMPORT OF SCIENTIFIC POLICY INSTRUMENTS IN CONTEMPORARY RUSSIA

MARGARITA V. KURBATOVA,

*Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia,
e-mail: kurbatova-07@mail.ru;*

SERGEY N. LEVIN,

*Plekhanov Russian University of Economics,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com;*

KIRILL S. SABLIN,

*Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia,
e-mail: sablin_ks@mail.ru*

Citation: Kurbatova, M.V., Levin, S.N., Sablin, K.S. (2021). Import of scientific policy instruments in contemporary Russia. *Journal of Institutional Studies* 13(3): 37–52. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.037-052

Characteristic features of contemporary scientific policy of Russia in the context of its instruments import are highlighted in the article. Instruments are analyzed as institutions according to the D. North interpretation. It was revealed that the main imports are the instruments those ensure the accountability of the academic community (academia). Grant funding system, scientometrics and academic excellence programs are these instruments. In the conditions of contemporary Russia the accountability of scientists and scholars to society turns into accountability to the vertical of power. The motivation of its representatives includes both the idea of public benefits as well as the task of private efficiency maximizing when to select the goals and instruments of scientific policy. It is shown that the selection process includes three main levels: political, governmental and departmental. Imported instruments are gradually transformed in accordance with the interests of the actors participating in the vertical administrative bargaining at all these levels. The goals set at the political level to strengthen economic and political positions of the country in the world are gradually being replaced with the tasks of maximizing the private efficiency of high-ranking participants in this bargaining. As a result, a qualitative modification of the sphere of science occurs. It is not just about the limitation of academic community autonomy, but about its incorporation into the vertical of power in the conditions of contemporary Russia. This fact leads to the changing of motivation and structure of academia. Academic researchers and scholars are gradually being replaced by politicized academic administrators and specific academic entrepreneurs. They are differ if compare them with the western academic entrepreneurs. The latter are focused on the competitive economic markets, while the first concentrate their attention on the redistribution of resources within the framework of vertical administrative bargaining.

Keywords: *scientific policy; import of institutions; accountability; scientometrics; grant funding; projects of academic excellence*

Acknowledgements: *The article represents results of the study based on the governmental contract for Financial University under the Government of the Russian Federation No. VTK-GZ-FI-15-19.*

JEL: O43, P27, H83

Введение

Российское государство выступает как субъект, провозглашающий необходимость проведения научной политики. В этой связи возникает вопрос о целях и инструментах данной политики. При ее выработке и реализации оно в явном виде ориентируется на мировой опыт. Соответственно, мы сталкиваемся с очередным примером импорта институтов, поскольку заимствованные инструменты представляют собой институты в их нортонской трактовке, т.е. комбинации, состоящей из правил игры и механизмов санкционирования данных правил (Норт, 1997: 19). Необходимо обратить внимание на то, что государственная научная политика является относительно новым явлением. В частности, В.Л. Тамбовцев пишет: «Нужно отметить, что государственная научная политика (ГНП) – явление сравнительно недавнего времени, во всяком случае, в демократических странах... Исключение составляли научные исследования в оборонной сфере, активно проводившиеся в течение всего периода холодной войны. В остальных областях науки в экономически развитых странах действовало обычно значительное число частных благотворительных фондов и корпоративных исследовательских подразделений, которые и осуществляли финансирование основной части “необоронных” исследований, давая возможность проводить разработки по выбору самих ученых» (Тамбовцев, 2020: 17–18). Поворот к проведению комплексной научной политики вписывается в общий процесс реорганизации сферы производства общественных благ. Ранее правительства при финансировании социальной сферы, в том числе науки, высшего образования и здравоохранения, использовали подход, основанный на доверии профессиональным сообществам. Это означало, что именно представители академического сообщества определяли направления развития научных исследований и высшего образования. В настоящее время правительства перешли к разным способам внешнего контроля над профессиональными сообществами (Ле Гранд, 2011). Это связано с общими качественными сдвигами в государственном управлении, выразившимися в активном внедрении подходов нового государственного менеджмента. Применительно к сфере науки философия данного подхода базировалась на тезисе о необходимости усилить подотчетность науки обществу и переориентировать ученых на решение актуальных экономических и социальных проблем.

В этой связи возникает вопрос о содержании и структуре современной научной политики. В нашей работе мы будем использовать определение научной политики, данное В.Л. Тамбовцевым: «научная политика – это совокупность намерений некоторого субъекта относительно будущего состояния и динамики науки (как социально-экономической системы) и выбранных им средств (инструментов политики), применение которых, по его мнению, обеспечит реализацию его намерений» (Тамбовцев, 2018: 7). Исходя из этого определения, важнейшими проблемами формирования научной политики являются особенности субъектов, механизмы выявления и координации их намерений в отношении будущего состояния, целей и инструментов политики, обеспечение реализации целей выбранными инструментами. Превращение научных исследований в объект научной политики означает, что они начинают рассматриваться как публичные (общественные) блага в бюкененовском смысле слова (Buchanan, 1999), т.е. как блага, вопрос о производстве и финансировании которых решается в сфере публичной политики. Речь в данном случае идет о публичном выборе приоритетов, направлений научных исследований, объемов их финансирования. Субъектами такого выбора в странах с устоявшимися демократическими институтами являются избиратели (конечные принципалы), публичные политики, бюрократы (совокупность бюро, связанных с регулированием научных исследований) (Niskanen, 1996), академические структуры и само научное сообщество. По Т. Куну, «научное сообщество состоит из исследователей с определенной научной специальностью»,

а «члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей» (Кун, 2001: 227–228). В рамках самого научного сообщества осуществляется коллективный выбор, закрепляющий достижения, определяющий смену научных парадигм (в этом плане научные парадигмы можно рассматривать как своеобразные клубные блага).

Исходя из вышесказанного научное сообщество («academia») можно рассматривать как специфическую группу специальных интересов, способную потенциально вести себя оппортунистически по отношению к вышестоящим субъектам в агентской цепочке (Holmstrom and Milgrom, 1991). Поэтому возникает проблема обеспечения эффективного использования ресурсов общества, направляемых в сферу науки, которая рассматривается с точки зрения создания системы мониторинга и стимулирования ученых как агентов, ориентированных на достижение целей избирателей, публичных политиков и государственных бюрократов.

Это потребовало разработки и внедрения системы инструментов внешнего оценивания деятельности организаций и лиц, занимающихся исследовательской деятельностью. Можно выделить три группы взаимосвязанных инструментов, которые признаны обеспечивать внешнее (в том числе количественное) оценивание результатов деятельности ученых. Первые две были сформированы в странах-лидерах в сфере науки: грантовая система финансирования науки и наукометрия. Третья группа базируется на первых двух и используется в странах, которые разрабатывают стратегии ускоренного преодоления отставания от стран-лидеров в сфере научных исследований. Это программы (проекты) академического превосходства, которые реализуются во множестве стран: от Германии¹ и Франции² до Объединенных Арабских Эмиратов³ и Пакистана⁴. В современной России первой такой серьезной программой стал Проект «5-100»⁵.

Объектом исследования выступает формирование и импорт инструментов научной политики.

Цель статьи заключается в характеристике причин, результатов и ограничений импорта инструментов научной политики в современной России.

Обзор мирового опыта современной научной политики

Сфера науки долгое время рассматривалась в качестве одной из основных сил, воздействующих на социальные, экономические и политические изменения. Однако, по замечанию Р. Брикмана, «хотя интерес правительств к научным исследованиям и их спорадическая поддержка уходят корнями в прошлое, признание необходимости в устойчивых государственных инвестициях, мониторинге и управлении научной сферой датируется периодом Второй мировой войны» (Brickman, 1981: 481). В свою очередь, 1950-е – 1960-е годы являются временем, когда происходит резкое увеличение государственных расходов в целом, и научная сфера начинает извлекать существенные выгоды из постоянно увеличивающейся доли национальных бюджетов индустриально развитых стран, идущей на ее финансирование. Этот новый общественный приоритет (public priority) привел к возникновению целого ряда явлений, например: формулирование целей научной политики; рост влияния научных элит; появление заказа со стороны правительственных агентств для проведения научных исследований по определенной тематике (Brooks, 1968).

В то же время необходимость осуществления постоянного мониторинга использования бюджетных средств в научных исследованиях привела к разработке инструментов, позволяющих количественно оценивать результативность деятельности ученых. Данные инструменты представлены грантовой системой финансирования и наукометрией, и их применение определялось новым государственным менеджментом как новой философией государственного

¹ German Universities Excellence Initiative (Exzellenzinitiative) // Deutsche Forschungsgemeinschaft (https://www.dfg.de/en/research_funding/programmes/excellence_initiative/index.html – Дата обращения: 10.08.2021).

² Évaluation des Initiatives d'excellence (IDEX) et Initiatives Science-Innovation-Territoire-Economie (I-SITE) du programme d'investissements d'avenir (PIA) // Agence nationale de la recherche (<https://anr.fr/fr/investissements-davenir/suivi-et-evaluation/evaluation-idex-isite-pia/> – Дата обращения: 12.08.2021).

³ The UAE National Agenda // The United Arab Emirates' Government portal (<https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/federal-governments-strategies-and-plans/national-agenda> – Дата обращения: 11.08.2021).

⁴ Pakistan 2025. One Nation – One Vision // Government of Pakistan. Ministry of Planning, Development & Reform (<https://www.pc.gov.pk/uploads/vision2025/Pakistan-Vision-2025.pdf> – Дата обращения: 11.08.2021).

⁵ Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (<https://www.5top100.ru/> – Дата обращения: 09.08.2021).

управления. В настоящее время существуют работы, которые подтверждают, что их использование не просто искажает деятельность ученых (Gulbrandsen and Smeby, 2005; Butos and McQuade, 2012; Hottenrott and Lawson, 2017), но и ведет к кризису науки как сферы производства новых знаний. По мнению А. Салтелли и М. Джиампьетро, «ингредиенты» данного кризиса заключаются в следующем: вал новых публикаций, которые появляются с беспрецедентной скоростью; наличие непровержимых доказательств того, что большинство новых открытий не выдержит испытания временем; несоблюдение/нарушение надлежащих научных практик и отчаяние от проводимой политики «публикуйся или умри» (publish or perish)⁶; нарождающийся кризис является многогранным и включает интересы различных групп, ни одна из которых не может нести единоличную ответственность за его последствия (Saltelli and Giampietro, 2017).

В странах с демократическими институтами, развитой рыночной экономикой и автономной академической сферой превращение науки в объект государственной политики и внедрение подходов нового государственного менеджмента привели к существенным сдвигам во взаимоотношениях субъектов научной политики. На уровне общественного/коллективного выбора существенно изменились переговорные позиции сторон. С одной стороны, усилились позиции публичных политиков и государственных бюрократов, с другой – ослабили позиции академических структур и научного сообщества (Chandler et al., 2002). В условиях ограниченности бюджетного финансирования университеты как ведущие исследовательские центры пошли по пути коммерциализации деятельности, для них стали формироваться квазирынки, стимулы для конкуренции за ресурсы государства и бизнеса. В этих условиях существенно выросла роль менеджеров университетов, имеющих существенные сравнительные преимущества в организации деятельности в новых экономических условиях (Ayers, 2014; Collyer, 2015; Jones and Patton, 2020). Результатом ослабления переговорных позиций представителей академии стало признание подотчетности обществу как концептуального подхода для определения инструментов достижения поставленной цели. Она же стала механизмом последующего, еще более серьезного ослабления этих позиций.

В широком смысле слова подотчетность понимается как ответственность, обязанность объяснить и оправдать свое поведение (Bovens et al., 2014). Применительно к науке можно выделить разные формы подотчетности. Это - подотчетность перед коллегами по научным результатам, регулируемая методологическими нормами и правилами, академическими ценностями и стандартами поведения. В более широком контексте это и есть подотчетность перед обществом, понимаемая как ответственность за обоснованность и достоверность научных результатов, оправданность использования общественных ресурсов приращением научного знания. В свою очередь, подотчетность политиков перед избирателями заключается в обеспечении на должном уровне финансовой поддержки науки и в формировании норм и правил регулирования, обеспечивающих развитие науки. Однако внедрение подходов нового государственного менеджмента с разветвленной системой формализованных показателей существенно изменило содержание отношений подотчетности. В него стали включать, во-первых, ответственность за обеспечение утилитарной пользы полученных научных результатов, их вклада в развитие экономики и решение социальных проблем; во-вторых, финансовую подотчетность как обоснование затрат полученным научным продуктом, каким-либо образом формализованным (публикация, патент, место в конкурсе, в рейтинге и т.п.). Соответственно, на уровне коллективного выбора замаячили бюрократические организации, которые подключились к процессу формирования и внедрения соответствующих формализованных показателей. В связи с этим многие исследователи стали обращать внимание на подмену подотчетности обществу подотчетностью правительственным бюрократическим организациям (Bagshaw, 2000; Lynch, 2013; Harris, 2014). В частности, рейтингование исследовательских университетов и организаций, их аудит и внешнее оценивание выступают своеобразным «рецептом» для «фабрикации»/

⁶ Примером проявления подобного отчаяния являются «комбинаты полного цикла по производству статей» в журналах, которые преднамеренно обнаруживают фальшивые данные с целью продвижения авторов по служебной лестнице и обеспечения их карьерного роста: The full-service paper mill and its Chinese customers (<https://forbetterscience.com/2020/01/24/the-full-service-paper-mill-and-its-chinese-customers/> – Дата обращения: 16.07.2021).

имитации успешной формы над реальным содержанием работы для определенной категории ученых (Ball, 2003). Другим примером выступает гипертрофированная концентрация внимания на количестве цитирований как на показателе индивидуального академического успеха, которая поощряет гейминг и манипулирование индексами цитирования на уровне отдельных исследователей и преподавателей (Lawrence, 2003; Todd and Ladle, 2008).

Подобное поведение представителей академического сообщества вследствие усиливающегося давления со стороны жесткой системы формализованных показателей привело к дальнейшему росту переговорных позиций государственной бюрократии. Напрямую неподотчетная избирателям, она от их имени ставит цели и требует от академического сообщества достижения определенных результатов деятельности. Это ведет к дальнейшему выхолащиванию реального содержания работы исследователей и ученых, «вымыванию» академических ценностей из университетов и научно-исследовательских организаций и замещению их целями активной коммерциализации результатов деятельности, превращению их в бизнес-корпорации. Одним из примеров подобной трансформации выступает «грантомания» (grant mania) исследовательских университетов, когда они становятся «одержимы» поиском источников финансирования. Кафедры, факультеты и ученые буквально принуждаются к написанию и подаче заявок на финансирование, и в случае успеха подобной деятельности придается чрезмерная важность при внешней оценке результатов исследований. В то же время работа ученых по поиску и привлечению финансовых ресурсов имеет огромное значение при гарантировании карьерного роста и продвижения по служебной лестнице даже в ущерб качеству проводимых исследований, которое обеспечивается искренней страстью к своему предмету (genuine passion for subject-matter) (Goldsworthy, 2008: 17–18).

В этом смысле образуется замкнутый круг, когда система формальных показателей становится выгодной как для представителей государственной бюрократии, которая использует ее для рейтингования научно-исследовательских организаций и университетов с целью оптимизации бюджетных расходов, так и для определенной группы исследователей и преподавателей, которые используют ее для максимизации частной эффективности (ускорение карьерного роста, укрепление статуса в организационной иерархии, увеличение финансовых доходов). В этой связи, как замечают В. Боурэр и М. Лоун, «рейтинги преуспевают в обеспечении якобы “объективной” оценки, когда ценность университетов может быть измерена, даже если средства измерения являются произвольными, избирательными и проблематичными с научной точки зрения» (Borer and Lawn, 2013).

Внедрение инструментов нового государственного менеджмента в рамках проводимой в западных, в первую очередь – англосаксонских (Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии), странах научной политики привело к возникновению академического капитализма, потому что изменило правила игры в сфере науки. Академический капитализм представляет собой гибрид, объединяющий научный поиск истины и максимизацию извлечения прибыли, при этом он превращает исследовательские университеты в предприятия, конкурирующие за накопление капитала, а бизнес – в производителей знаний, ищущих новые открытия, которые можно превратить в патенты и прибыльные товары (Münch, 2014). В данном случае меняется целевая функция ученых – происходит их трансформация из исследователей, нацеленных на приращение научного знания как общественного блага, в академических предпринимателей, для которых данное приращение становится средством создания коммерчески востребованного продукта. Преимущества академического предпринимательства заключаются в том, что достигается цель переориентации науки на получение утилитарной пользы, внесение ее вклада в решение экономических и социальных проблем. В то же время возникают определенные проблемы, связанные, с одной стороны, с ослаблением стимулов к производству фундаментальных знаний, которые выступают как чистые общественные блага, с другой стороны, в условиях гейминга возникают достаточно широкие возможности для рентоориентированного академического предпринимательства.

Применение инструментов научной политики даже в условиях ограничений, связанных с конкурентными экономическими рынками, институтами демократии и автономии академического

общества, привело к серьезным провалам. Это позволило многим исследователям сделать вывод о том, что использование этих инструментов научно не обосновано, поскольку не позволяет достичь заявленных целей повышения вклада науки в максимизацию социальной эффективности.

Субъекты институционального проектирования в сфере научной политики России

В настоящее время принят и действует комплекс нормативных документов, в которых определены цели и инструменты научной политики России. Ключевым документом выступил майский Указ Президента РФ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» 2012 года⁷. В 2018 году данные проблемы получили отражение в Указе Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁸, который определил необходимость принятия комплекса национальных проектов, включающих национальный проект «Наука и университеты». Особое место среди нормативных документов занимают Указ Президента РФ № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁹ и Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы¹⁰.

При характеристике этих документов необходимо отметить, что формулировки не только заявленных инструментов, но и целей во многом опираются на опыт других стран. Однако в данном случае нельзя говорить о простом копировании. Анализ содержания вышеуказанных документов показывает, что они отражают цели и ограничения субъектов процесса институционального проектирования: заказчиков и проектировщиков.

Специфика современной России обусловлена тем, что в ней, по крайней мере пока, отсутствует полноценная агентская цепочка: избиратели – публичные политики – рациональные бюрократы. Соответственно, в роли заказчика выступает единая (в том смысле, что она предполагает нерасчлененность функций политического и административного управления) вертикаль власти, включающая правящую группу, персонифицированную в фигуре правителя (ruler), и политизированных администраторов разного уровня, выступающих как узкие по составу группы специальных интересов. В роли проектировщика выступают, прежде всего, представители элитных научно-образовательных учреждений (например НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Московская школа управления Сколково, Российская академия наук). У всех этих субъектов, наряду с нормативно провозглашаемыми целями максимизации социальной эффективности, существуют интересы, связанные с максимизацией их частной эффективности. Для правящей группы – это укрепление вертикали власти, создающей, в частности, возможность максимизации ренты правителя (Clague et al., 1996; Jones and Olken, 2005). Группы специальных интересов в рамках вертикали власти извлекают выгоды через различные формы рентоориентированного поведения. Представители экспертного сообщества заинтересованы как в извлечении финансовых выгод, так и в укреплении своего статуса в рамках взаимоотношений с представителями властных структур. В этом плане их можно охарактеризовать как высокоранговых академических предпринимателей, которые, однако, отличаются от большинства западных академических предпринимателей (Lam, 2011; Hackett, 2014). Данное отличие заключается в том, что они ориентируются не на конкурентные экономические рынки, а на накопление индивидуального политического ресурса в рамках административных торгов.

Специфической особенностью данной системы является утрата академией в лице как научно-образовательных учреждений, так и академического сообщества своей автономии, которая является

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Российская газета (<https://rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html> – Дата обращения: 10.08.2021).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> – Дата обращения: 10.08.2021).

⁹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> – Дата обращения: 10.08.2021).

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг.» // Правительство России (<http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> – Дата обращения: 10.08.2021).

необходимым условием поддержания академических ценностей и стандартов. В результате меняются статус и целевые установки руководителей научно-образовательных организаций. С точки зрения критериев социальной эффективности и реализации наукой своих публичных функций эти руководители должны принципиально отличаться от глав государственных бюро. Д. Бок, понимая проблемы встраивания университетов в новые отношения, отмечает: «поскольку основные задачи университетов имеют академический характер, они призваны быть не столько администраторами, сколько интеллектуальными лидерами» (Бок, 2012: 45). В современной же России руководители научно-образовательных организаций, встраиваемые в цепочку подотчетности, начинают подбираться по их «ценности» для вертикали власти, по готовности обеспечивать выполнение спущенных сверху показателей (Курбатова, 2016: 68). В результате они выступают как специфические академические политизированные администраторы. Сама же сфера науки оказывается частью вертикали власти.

Выбор целей и инструментов научной политики происходит в ходе вертикальных и горизонтальных торгов в рамках этого достаточно закрытого и узкого по составу сообщества заказчиков и проектировщиков. Можно выделить разные уровни принятия решений, причем формулировки целей и инструментов научной политики на этих уровнях часто оказываются рассогласованными. При этом существует тенденция того, что при переходе на нижестоящие уровни общественно значимые цели либо просто декларируются, либо отсутствуют, зато в полной мере проявляются частные интересы субъектов институционального проектирования. Это значимо, потому что именно на нижестоящих уровнях определяются конкретные индикаторы, задающие правила игры в сфере научно-исследовательской деятельности.

Сложившаяся система принятия решений в сфере научной политики включает три основных уровня.

Первый уровень – политический. Ситуация в современной России заметно отличается от ситуации в странах, выступающих образцами импорта инструментов научной политики. В большинстве из них политические решения принимаются в рамках публичной политики (*public policy*). Это означает, что конкурирующие группы политической элиты апеллируют к избирателям как к конечному принципалу. В этом смысле можно говорить о политической демократии в узком смысле слова, когда в ходе выборов власть и оппозиция периодически меняются местами (Пшеворский, 2000). Для России же характерно наличие устойчивой фигуры правителя, являющегося основным носителем политической власти. Ключевые политические решения в российских условиях принимаются президентом при участии достаточно узкого круга лиц, которых можно считать членами правящей группы. Роль формальных участников публичной политики (федеральных министров, депутатов разного уровня, губернаторов) в данных условиях существенно модифицируется. Их взаимодействие с правящей группой приобретает квазипубличный характер. С одной стороны, они выступают как исполнители решений президента, а с другой – как участники групп специальных интересов, представляющие различные сферы, отрасли и территории. Поэтому к политическому уровню принятия решений в сфере научной политики относятся только нормативные документы, принятые либо единолично президентом, либо при его решающей роли.

Характеризуя цели научной политики, установленные правящей группой, необходимо отметить их формальное сходство с решениями, принимаемыми в странах с демократическими режимами. Это позволило В.Л. Тамбовцеву, проанализировав «Программу фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013–2020 гг.)»¹¹, сделать вывод о том, что поставленную цель научной политики – «формирование с учетом институциональных преобразований сбалансированного и устойчиво развивающегося сектора фундаментальных исследований, обеспечение расширенного воспроизводства знаний об основах мироздания, закономерностях развития природы, человека и общества, ускорение интеграционных процессов российской науки и образования, повышение эффективности исследований и их использования для разработки перспективных технологий, необходимых

¹¹ Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013–2020 гг.). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2538-р // Российская академия наук (<http://www.ras.ru/scientificactivity/planrf.aspx> – Дата обращения: 06.08.2021).

для реализации стратегических задач социально-экономического развития стран», – можно считать научно обоснованной (Тамбовцев, 2018: 15–16). Этот вывод опирается на то, что данная цель соответствует целям научной политики в странах ОЭСР, в принципе достижима, причем ее достижение не приводит к снижению уровня полезности субъектов принятия политических решений. В этой связи можно отметить, что не только публичные политики, позиционирующие себя как агенты избирателей, но и правительство, мотивация которого во многом соответствует модели оседлого бандита, заинтересованы в социально-экономическом развитии страны. Однако при этом многие формулировки целей научной политики носят чрезмерно абстрактный характер и недостаточно привязаны к специфическим условиям современной России.

В этой связи интересные оценки качества формулировок целей научной политики России дает Е.В. Семенов. Данный автор, проанализировав «Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации», отмечает как достоинства, так и недостатки формулировок данного документа. С одной стороны, определение в качестве цели стратегии «обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации», по мнению данного автора, имеет два существенных достоинства: она ориентирует развитие науки на развитие страны и содержит установку на сохранение «идентичности» российской науки (Семенов, 2019: 60). В то же время он отмечает, что в данном документе «содержательная глубина, строгость и конструктивность сплошь и рядом подменяются умозрительными схемами, словесными красотами, прожектерством. Слова и фразы часто не имеют ясного смысла» (Семенов, 2019: 58). Анализ других, более частных документов приводит его к еще более жестким оценкам: «О формулировке целей научно-технологического развития страны в других программно-концептуальных документах трудно говорить в терминологии развития или конкретизации, здесь больше подходит терминология выхолащивания содержания и искажения сути. Делается это главным образом посредством подмены содержательных целей пустыми показателями, реальных результатов отчетами» (Семенов, 2019: 60).

Тенденцию к замещению содержательных задач набором отчетных показателей отмечают и другие авторы. Примером может служить анализ «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг.» и Государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»¹², проведенный Г.В. Шепелевым. В отношении Стратегии он делает вывод о фактическом отсутствии проверяемой цели развития российского научного сектора. По поводу госпрограмм - об отсутствии практически значимых ориентиров для научного сектора по организации работы (Шепелев, 2020а: 81). В целом Г.В. Шепелев отмечает, что «в стратегических документах, касающихся науки ... цели сформулированы так, что достигнуть их либо невозможно, либо легко сфальсифицировать “достижение”» (Шепелев, 2020б: 19). Эту тенденцию обычно связывают со «специальными корпоративными интересами» и низким уровнем профессионализма российской бюрократии, «фирменным стилем» которой является подмена целей формальными показателями, а реальных дел – «производством показателей» (Семенов, 2019: 60). По существу, речь идет о трансформации формулировок импортируемых целей и средств научной политики на нижестоящих уровнях принятия решений. В ходе этого процесса происходит поэтапное замещение политических задач целями максимизации частной эффективности субъектов вертикали власти. При этом, с нашей точки зрения, данных субъектов вряд ли можно определять как единую государственную бюрократию. В современной России профессиональная (рациональная в веберовском смысле слова) бюрократия замещается политизированными администраторами (Левин и Саблин, 2017) и политизированными предпринимателями (Левин и Саблин, 2016).

Второй уровень принятия решений можно определить как правительственный. В условиях России правительство выступает де-факто не как политический орган, а как площадка, на которой

¹² Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 31.03.2021) // Консультант Плюс (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/) – Дата обращения: 06.08.2021).

происходит модификация политических решений с учетом интересов других субъектов, входящих в вертикаль власти. Это означает, что правительство, не будучи политическим органом, не является простым исполнителем политических решений. Определение общественных интересов на уровне публичной политики замещается квазипубличным взаимодействием различных групп специальных интересов, включенных в вертикаль власти, причем данное взаимодействие выступает как сложная конфигурация вертикальных и горизонтальных политико-экономических торгов. Здесь в очередной раз проявляется эффект исторической обусловленности развития, связанный с воспроизводством многих традиций и институтов советского административного рынка (Кордонский, 2006).

На данном уровне в качестве субъектов выступают наиболее политически влиятельные администраторы и предприниматели. Это ярко проявляется в выборе приоритетов научной политики. В их список, как правило, попадают те, которые лоббируют как влиятельные государственные органы (Министерство обороны РФ, Министерство чрезвычайных ситуаций РФ и др.), так и аффилированные с государством структуры, соединяющие публичные и предпринимательские функции (ГК «Росатом», ГК «Ростех», ГК «Роскосмос»). В последнее время усиливается влияние структур, ориентированных на извлечение выгод от программ декарбонизации и перехода к «зеленой» экономике. В этом плане показательно, что известный своими лоббистскими возможностями А.Б. Чубайс, возглавлявший АО «Роснано», занял пост специального представителя Президента РФ по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития. Соответственно, установленные правительством политические цели, связанные с укреплением позиции страны в мировой экономике и политике, трансформируются в набор целей наиболее политически влиятельных (высокоранговых) субъектов. Эти субъекты трансформируют (конвертируют) свой статус в вертикали власти в частные выгоды. Возможности извлечения данных выгод связаны с влиянием на деятельность ведомств, которые непосредственно реализуют научную политику. Речь идет о новом уровне согласования и реализации целей субъектов научной политики.

Третий уровень принятия решений – ведомственный, связанный с решениями, принимаемыми на уровне ведомств, отвечающих за проведение научной политики. В настоящее время таким ведомством является Министерство науки и высшего образования. Оно выступает основным агентом, реализующим решения, принятые на политическом и правительственном уровнях. Опыт советских административных торгов показывает, что частный интерес администраторов реализуется в рамках такой формы оппортунистического поведения, как работа на показатель. Это означает, что они заинтересованы в максимизации централизованно выделяемых ресурсов при установлении показателей, которые могут быть относительно легко выполнены. Возникает порочный круг, когда академические политизированные предприниматели отчитываются о своей деятельности достижением показателей, установление которых сами и пролоббировали.

В результате стимулы деятельности агентов (ученых, научных организаций, университетов) не просто искажаются, а фактически подчиняются частным интересам политизированных администраторов. Происходит расслоение самого научного сообщества. В его рамках формируется сообщество привилегированных академических предпринимателей. Специфика отечественных академических предпринимателей заключается в том, что они встроены в вертикаль власти (Душина и др., 2019: 67). Финансирование проектов со стороны частного сектора носит относительно ограниченный характер. Поэтому при привлечении финансовых ресурсов они ориентируются на административные торги в рамках вертикали власти. Успех в этих торгах определяется рангом, который зависит от накопленного индивидуального политического ресурса, выражающегося в связях с политизированными администраторами и наиболее высокоранговыми академическими предпринимателями, представляющими, как правило, элитарные университеты и НИИ.

Результаты импорта инструментов научной политики в современной России

Проведенный анализ позволил нам выделить два периода научной политики РФ (2012–2018 годы и с 2018 г.) и охарактеризовать три уровня ее формирования и реализации - политический, правительственный и ведомственный.

Оба периода начинаются указами Президента РФ, которые запускают принятие либо корректировку других нормативных документов. Эти периоды заметно отличаются по подходам к формулировке целей и инструментов научной политики. В 2012 году по направлениям экономической и социальной политики были приняты отдельные указы (всего 11), разработаны мероприятия по их реализации. В 2018 году принят Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (скорректировано – Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»), предусматривающий принятие национальных проектов.

Общим для двух периодов является подход к формированию и сам набор показателей подотчетности реализации научной политики, что во многом определяется ориентацией на использование зарубежного опыта. Во-первых, был выбран подход внешней оценки, основанный на целевых показателях, понятных неспециалистам, но не отражающих содержание научных достижений (путь, по которому уже прошли многие страны ОЭСР и ряд других стран). Во-вторых, выбор целей и инструментов научной политики осуществляется на трех уровнях. На политическом уровне во многом копируются установки научной политики, принятые в зарубежных странах с упором на международные сравнения. В отличие от этих стран, выбор осуществляется преимущественно не через механизмы публичной политики, а решениями узкой по составу правящей группы. Согласование принятых политических решений с интересами влиятельных субъектов, включенных в вертикаль власти, осуществляется преимущественно на двух нижестоящих уровнях. По форме это проявляется в том, что принимаемые на основе политических решений показатели декомпозируются. При этом с 2018 года увязка показателей по уровням стала более жесткой. Содержательно же в ходе таких согласований импорт инструментов научной политики приобретает ярко выраженный избирательный характер, причем политические задачи постепенно подменяются целевыми показателями, ориентированными на интересы влиятельных групп политизированных администраторов и политизированных предпринимателей, в том числе возникающих в рамках самого научного сообщества академических предпринимателей.

Так, в 2012 году в Указе Президента РФ¹³ № 599 была сформулирована цель – «совершенствование государственной политики в области образования и науки и подготовка квалифицированных специалистов с учетом требований инновационной экономики». Было определено основное направление соответствующих институциональных изменений - развитие научных исследований в вузах и их государственная поддержка. Цели и задачи явно политического характера. Однако целевые показатели – явно управленческие, прежде всего, наукометрические. В Указе № 599 закреплён показатель «увеличения к 2015 году доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных “Сеть науки” (Web of Science), до 2,44 процента». Это позволило впоследствии подменить предмет подотчетности. Вместореальных научных достижений вследствие проводимых институциональных реформ политизированные администраторы и академические предприниматели в сфере науки стали отчитываться формальными, прежде всего наукометрическими, показателями. Это ведет к тому, что «научный поиск постепенно заменяется достижением показателей, а оценка качества исследовательской деятельности, традиционно подлежащая контролю со стороны ученых, признанных компетентными в соответствующих областях знаний, оценивается с помощью формализованных инструментов» (Вольчик и Маслюкова, 2018: 172). Следует заметить, что исследователи из организации – основного эксперта во внедрении механизмов подотчетности (НИУ ВШЭ) приходят к иным выводам. Признавая проблемы подобной формализованной внешней оценки научной деятельности, в целом они позитивно оценивают их влияние на уровень результативности научных исследований (Калгин и др., 2019; Дежина, 2020).

Характеризуя общую логику изменения институциональной организации сферы науки, можно сделать вывод о том, что импортируемые инструменты используются для встраивания

¹³ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Гарант (<http://base.garant.ru/70170946/> – Дата обращения: 10.08.2021).

ее в вертикаль власти. В этом плане показательна реформа РАН (2013–2014 гг.), которая существенно ограничила автономию Академии, сильно ослабила переговорные позиции научного сообщества, встроила руководителей научных учреждений и научных работников в единую цепочку подотчетности, прежде всего по наукометрическим показателям. При этом параллельно реализуемые проекты создания федеральных университетов (ФУ) и научных исследовательских университетов (НИУ), Проект 5-100 (The Russian Academic Excellence Project) способствовали: перетоку финансирования из научных в образовательные учреждения; нарастающей дифференциации вузов; снижению автономии самих вузов и преподавателей внутри вузов; выстраиванию цепочки подотчетности. Это также означало встраивание университетов как научно-образовательных учреждений в вертикаль власти. В управленческой повестке дня место концентрации ресурсов на приоритетных научных направлениях стало оттесняться концентрацией ресурсов в ведущих вузах, работающих по приоритетным направлениям, что сопровождается сужением образовательного пространства и усиливающейся вертикальной дифференциацией вузов (Курбатова и др., 2021). Как отмечают сами проектировщики подобных программ, фактически монополизировавшие в лице НИУ ВШЭ экспертную роль, при реализации политики поддержки ведущих вузов «с каждым циклом сужается группа университетов, которым государство на конкурсной основе оказывает поддержку ... ограниченный сегмент вузов, обладающих научно-образовательным потенциалом мирового уровня и обеспечивающих национальную конкурентоспособность России, продолжит обособляться от основной части вузов» (Кузьминов и др., 2013: 54).

Другим аспектом встраивания сферы науки в вертикаль власти стали меры, которые фактически ликвидируют автономию академических и образовательных организаций: учреждение Федерального агентства научных организаций (2013–2018 гг.); принятие локальных документов, регламентирующих взаимоотношения с учредителем и отношения внутри организаций; внедрение эффективного контракта. Это привело к ограничению академических свобод научных работников и преподавателей вузов (Балацкий, 2014; Курбатова и Каган, 2015: 136), формированию «ловушки метрик». Переговорные позиции научных работников и преподавателей оказались подорванными уже на микроуровне по отношению к руководителям ведомств и организаций, которые, как уже отмечалось, выступают как политизированные администраторы академического типа.

С точки зрения импортированных инструментов финансирования науки стоит выделить качественную модификацию грантовой системы. Вместо многообразия государственных, частных некоммерческих и предпринимательских структур, реализующих проекты грантового финансирования науки, произошла централизация данной системы. Как отмечает И. Вершинин, «к 2016 году на смену относительно либеральному, построенному на рекомендательных нормах регулированию приходит централизованная, в информационно-техническом отношении единая и развитая система управления, которая детализировала и одновременно с этим усложнила правила определения размера субсидии на выполнение государственного задания, отменила свободу действий учредителей в части определения нормативных затрат, установила дополнительные сценарии взаимодействия учредителей с учреждениями – исполнителями государственного задания» (Вершинин, 2016: 15–16). В 2016 году Российский государственный научный фонд (РГНФ) был ликвидирован в форме присоединения к Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ). Такая централизация явно противоречит мировому опыту финансирования науки, но вписывается в процесс встраивания сферы науки в вертикаль власти.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что импорт инструментов научной политики как институтов, т.е. правил игры в единстве с механизмами принуждения к их соблюдению, носит избирательный характер. Заимствование сочетается с трансформацией данных инструментов, исходя из специфических интересов участников процесса институционального проектирования: заказчиков и проектировщиков. В качестве заказчика выступают, с одной стороны, правитель,

с другой – влиятельные группы политизированных администраторов и политизированных предпринимателей. В роли проектировщика выступают представители элитных научно-образовательных учреждений. Специфика современной России в том, что все эти субъекты научной политики встроены во властную вертикаль и реализуют свои интересы в рамках трехуровневой системы административных торгов.

На политическом уровне центральную роль играет правитель, который позиционирует себя как субъект, способный определять не только государственные интересы, но и цели общественного развития, выступая как персонификация не только государства, но и всей страны. В рамках такого специфического «холистского» подхода он объективно будет ориентироваться на укрепление позиции страны в мировой политико-экономической системе. Поэтому при определении индикаторов правитель делает упор на международные сравнения. С точки зрения выбора импортируемых инструментов научной политики приоритетом для него становится реализация принципа подотчетности. Подотчетность обществу в рамках такой политико-экономической системы приобретает форму подотчетности правителю. Это соответствует как представлению правителя о его центральной роли в формулировании и реализации целей общественного развития, так и его частному интересу укрепления своего контроля в рамках вертикали власти.

На правительственном уровне центральной проблемой при определении целей и инструментов научной политики становится достижение в ходе вертикальных и горизонтальных торгов консенсуса среди субъектов, вовлеченных в ее реализацию. На данном уровне политические цели модифицируются в соответствии с частными интересами наиболее высокоранговых политизированных администраторов и политизированных предпринимателей.

На ведомственном уровне ключевой проблемой становится лоббирование принятия таких индикаторов, которые позволят их успешно выполнить. При этом в академической сфере формируется закрытое сообщество, объединяющее политизированных администраторов в лице руководителей ведомств и научно-образовательных организаций и привилегированных академических предпринимателей. Границы между ними подвижны, и постоянно происходит перетекание их статусов и функций.

В результате импортируемые институты подотчетности из инструмента решения содержательных задач, устанавливаемых на политическом уровне, трансформируются в игру по выполнению показателей. С точки зрения установленных нормативных задач они были призваны обеспечить достижения общественных целей в трактовке правителя. Однако в конечном счете подотчетность превращается в систему административных торгов, в ходе которых максимизируются частные выгоды групп специальных интересов в рамках вертикали власти. Как следствие, частный интерес правителя, связанный с сохранением и укреплением его статуса, достигается, а провозглашаемые цели общественного развития нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балацкий Е.В. (2014). Истощение академической ренты // *Мир России* 23(3): 150–174. [Balatsky, E.V. (2014). Depletion of Academic Rent. *Universe of Russia* 23(3): 150–174. (In Russian).]
- Бок Д. (2012). Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: ИД Высшей школы экономики. [Bok, D. (2012). *Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education*. Moscow, Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).]
- Вершинин И. (2016). О государственном задании в сфере науки в свете международного опыта // *Общество и экономика* 11: 5–22. [Vershinin, I. (2016). Towards the Governmental Task in the Field of Science in the Light of International Experience. *Society and Economics* 11: 5–22. (In Russian).]
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2018). Ловушка метрик, или Почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки // *Журнал институциональных исследований* 10(3): 158–179. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179 [Volchik, V.V., Maslyukova, E.V. (2018). The metrics trap, or why is implicit knowledge underestimated when regulation of science and education is handled. *Journal of Institutional Studies* 10(3): 158–179. (In Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179]

- Дежина И.Г. (2020). Научная политика в ведущих российских университетах: эффекты нового «менеджеризма» // *Университетское управление: практика и анализ* 24(3): 13–26. [Dezhina, I.G. (2020). Scientific Policy in the Leading Russian Universities: Effects of New “Managerialism”. *University management: practice and analysis* 24(3): 13–26. (In Russian).]
- Душина С.А., Камнева А.В., Курприянов В.А., Шиповалова Л.В. (2019). Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива) // *Социология науки и технологий* 10(1): 50–76. [Dushina, S.A., Kamneva, A.V., Kurprianov, V.A., Shipovalova, L.V. (2019). Scientific Leadership in the Context of Academic Capitalism (Russian perspective). *Sociology of Science and Technology* 10(1): 50–76. (In Russian).]
- Калгин, А.С., Калгина О.В., Лебедева А.А. (2019). Оценка публикационной активности как способ измерения результативности труда ученых // *Вопросы образования* 1: 44–86. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-44-86 [Kalgin, A.S., Kalgina, O.V., Lebedeva, A.A. (2019). Evaluation of Publication Activity as a Way of Measuring the Productivity of Scientists. *Educational Studies Moscow* 1: 44–86. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-44-86]
- Кордонский С.Г. (2006). Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ. [Kordonsky, S.G. (2006). Markets of Power: Administrative Markets of the USSR and Russia. Moscow, OGI]
- Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фруммин И.Д. (2013). Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // *Вопросы образования* (4): 8–69. [Kuzminov, Y., Semenov, D., Froumin, I. (2013). University Network Structure: From the Soviet to the Russian “Master Plan”. *Educational Studies Moscow* (4): 8–69. (In Russian).]
- Кун Т. (2001). Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ». [Kuhn, T. (2001). The Structure of Scientific Revolutions. Moscow, AST Publishing House. (In Russian).]
- Курбатова М.В. (2016). Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России* 25(4): 59–86. [Kurbatova, M. (2016). Higher Education Reform as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: the Content and the Outcomes. *Mir Rossii* 25(4): 59–86. (In Russian).]
- Курбатова М.В., Каган Е.С. (2015). Оценка степени значимости эффектов внешнего контроля деятельности преподавателей вузов // *Журнал институциональных исследований* 7(3): 122–143. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.122-143 [Kurbatova, M.V., Kagan, E.S. (2015). Assessment of the degree of significance of the effects of external control of the activities of university lecturers. *Journal of Institutional Studies* 7(3): 122–143. (In Russian).]
- Курбатова М. В., Донова И. В., Кранзеева Е. А. (2021). Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития // *Terra Economicus* 19(1): 109–123. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-12 [Kurbatova, M. V., Donova, I. V., Kranzeeva, E. A. (2021). Higher Education in Resource-Type Regions: Between the Tasks of Departmental and Regional Development. *Terra Economicus* 19(1): 109–123. (In Russian).]
- Ле Гранд, Дж. (2011). Другая невидимая рука: предоставление общественных услуг на основе выбора и конкуренции. М.: Изд. Института Гайдара. [Le Grand, J. (2011). The Other Invisible Hand: Delivering Public Services through Choice and Competition. Moscow, Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).]
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2016). Предприниматели как субъект развития современной российской экономики: общая характеристика и специфика регионов «ресурсного типа» // *Журнал институциональных исследований* 8(2): 76–86. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.2.076-086. [Levin, S.N., Sablin, K.S. (2016). Entrepreneurs as a Subject of Modern Russian Economy Development: General Characteristics and «Resource Type» Regions Specificity. *Journal of Institutional Studies* 8(2): 76–86. (In Russian).]
- Левин С.Н., Саблин, К.С. (2017). «Политизированные» бюрократы как субъект развития экономики регионов «ресурсного типа» // *Общественные науки и современность* 1: 128–139. [Levin, S.N., Sablin, K.S. (2017). “Politicized” Bureaucrats as Agents of Economic Development in Resource-Rich Regions. *Social Sciences and Modernity* 1: 128–139. (In Russian).]

- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». [North, D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow, Fund of Economic Book "NACHALA". (In Russian).]
- Пшеворский А. (2000). Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). [Przeworski, A. (2000). Democracy and Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).]
- Семенов Е.В. (2019). Государственная научно-технологическая политика в современной России: замысел и реализация // *Управление наукой: теория и практика* 1(1): 51–71. DOI: 10.19181/smtp.2019.1.1.1 [Semenov, E.V. (2019). Public science and technology policy in modern Russia: idea and implementation. *Science Management: Theory and Practice* 1(1): 51–71. (In Russian). DOI: 10.19181/smtp.2019.1.1.1]
- Тамбовцев В.Л. (2018). О научной обоснованности научной политики в РФ // *Вопросы экономики* (2): 5–32. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-2-5-32 [Tamboutsev, V.L. (2018). On the scientific substantiation of scientific policy in the Russian Federation. *Voprosy ekonomiki* (2): 5–32. (In Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2020). Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // *Управление наукой: теория и практика* 2(1): 16–38. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.1.1 [Tamboutsev, V.L. (2020). Validity of Russian science policy's instruments: what the world's experience says? *Science Management: Theory and Practice* 2(1): 16–38. (In Russian).]
- Шепелев Г.В. (2020а). Об управлении российской наукой // *Управление наукой: теория и практика* 2(2): 65–92. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.3 [Shepelev, G.V. (2020a). On the governance of Russian science. *Science Management: Theory and Practice* 2(2): 65–92. (In Russian).]
- Шепелев Г.В. (2020б). О приоритетах научно-технологического развития // *Управление наукой: теория и практика* 2(3): 16–36. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.3.1 [Shepelev, G.V. (2020b). On priorities of scientific and technological development. *Science Management: Theory and Practice* 2(3): 16–36. (In Russian).]
- Ayers, D.F. (2014). When Managerialism Meets Professional Autonomy: The University 'Budget Update' as Genre of Governance. *Culture and Organization* 20(2): 98–120. DOI: 10.1080/14759551.2011.644675
- Bagshaw, P. (2000). Managerialism in Public Hospitals and Universities in New Zealand. *The New Zealand Medical Journal* 113: 112–113.
- Ball, S.J. (2003). The Teacher's Soul and the Terrors of Performativity. *Journal of Education Policy* 18(2): 215–228. DOI: 10.1080/0268093022000043065
- Borer, V.L., Lawn, M. (2013). Governing Education Systems by Shaping Data: From the Past to the Present, from National to International Perspectives. *European Educational Research Journal* 12(1): 48–52. DOI: 10.2304/eerj.2013.12.1.48
- Bovens, M., Schillemans, T., Goodin, R.E. (2014). Public Accountability. In: Bovens, M., Goodin, R. E. and Schillemans, T. (eds). *The Oxford Handbook of Public Accountability* (pp. 1–23). Oxford: Oxford University Press.
- Brickman, R. (1981). The Comparative Political Analysis of Science and Technology. *Comparative Politics* 13(4): 479–496.
- Brooks, H. (1968). *The Governance of Science*. Cambridge: The MIT Press.
- Buchanan, J. M. (1999). *The Demand and Supply of Public Goods*. Indianapolis: Liberty Fund.
- Butos, W.N., McQuade, T.J. (2012). Nonneutralities in Science Funding: Direction, Destabilization, and Distortion. *Journal des Économistes et des Études Humaines* 18(1): 1–26.
- Chandler, J., Barry, J., Clark, H. (2002). Stressing Academe: The Wear and Tear of the New Public Management. *Human Relations* 55(9): 1051–1069. DOI: 10.1177/0018726702055009019
- Clague, C., Keefer, P., Knack, S., Olson, M. (1996). Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies. *Journal of Economic Growth* 1(2): 243–276. DOI: 10.1007/BF00138864
- Collyer, F.M. (2015). Practices of Conformity and Resistance in the Marketisation of the Academy: Bourdieu, Professionalism and Academic Capitalism. *Critical Studies in Education* 56(3): 315–331. DOI: 10.1080/17508487.2014.985690

- Goldsworthy, J.* (2008). Research Grant Mania. *Australian Universities' Review* **50**(2): 17–24.
- Gulbrandsen, M., Smeby, J.C.* (2005). Industry Funding and University Professors' Research Performance. *Research Policy* **34**(6): 932–950. DOI: 10.1016/j.respol.2005.05.004
- Hackett, E.J.* (2014). Academic Capitalism. *Science Technology and Human Values* **39**(5): 635–638. DOI: 10.1177/0162243914540219
- Harris, B.* (2014). Corporatisation, Managerialism and the Death of the University Ideal in Australia. *Journal of Politics and Law* **7**(2): 63–80. DOI: 10.5539/jpl.v7n2p63
- Holmstrom, B., Milgrom, P.* (1991). Multitask Principal-Agent Analyses: Incentive Contracts, Asset Ownership, and Job Design. *Journal of Law, Economics, & Organization* **7**: 24–52. DOI: 10.1093/jleo/7.special_issue.24
- Hottenrott H., Lawson, C.* (2017). Fishing for Complementarities: Research Grants and Research Productivity. *International Journal of Industrial Organization* **51**(C): 1–38. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2016.12.004
- Jones, B.F., Olken, B.A.* (2005). Do Leaders Matter? National Leadership and Growth since World War II. *The Quarterly Journal of Economics* **120**(3): 835–864. DOI: 10.1162/003355305774268165
- Jones, D.R., Patton, D.* (2020). An Academic Challenge to the Entrepreneurial University: the Spatial Power of the 'Slow Swimming Club'. *Studies in Higher Education* **45**(2): 375–389. DOI: 10.1080/03075079.2018.1534093
- Lam, A.* (2011). What Motivates Academic Scientists to Engage in Research Commercialization: 'Gold', 'Ribbon' or 'Puzzle'? *Research Policy* **40**(10): 1354–1368. DOI: 10.1016/j.respol.2011.09.002
- Lawrence, P. A.* (2003). The Politics of Publication. *Nature* **422**: 259–261.
- Lynch, K.* (2013). New Managerialism, Neoliberalism and Ranking. *Ethics in Science and Environmental Politics* **13**: 1–13. DOI: 10.3354/esep00137
- Münch, R.* (2014). Academic Capitalism. Universities in the Global Struggle for Excellence. London: Routledge.
- Niskanen, W.A.* (1996). Bureaucracy and Public Economics (The Locke Institute Series). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Saltelli, A., Giampietro, M.* (2017). What is Wrong with Evidence Based Policy, and How Can It Be Improved? *Futures* **91**: 62–71. DOI: 10.1016/j.futures.2016.11.012
- Todd, P.A., Ladle, R.J.* (2008). Hidden Dangers of a 'Citation Culture'. *Ethics in Science and Environmental Politics* **8**(1): 13–16. DOI: 10.3354/esep00091